
МУРЗИЛКА
№4
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
апрель
1945

ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ

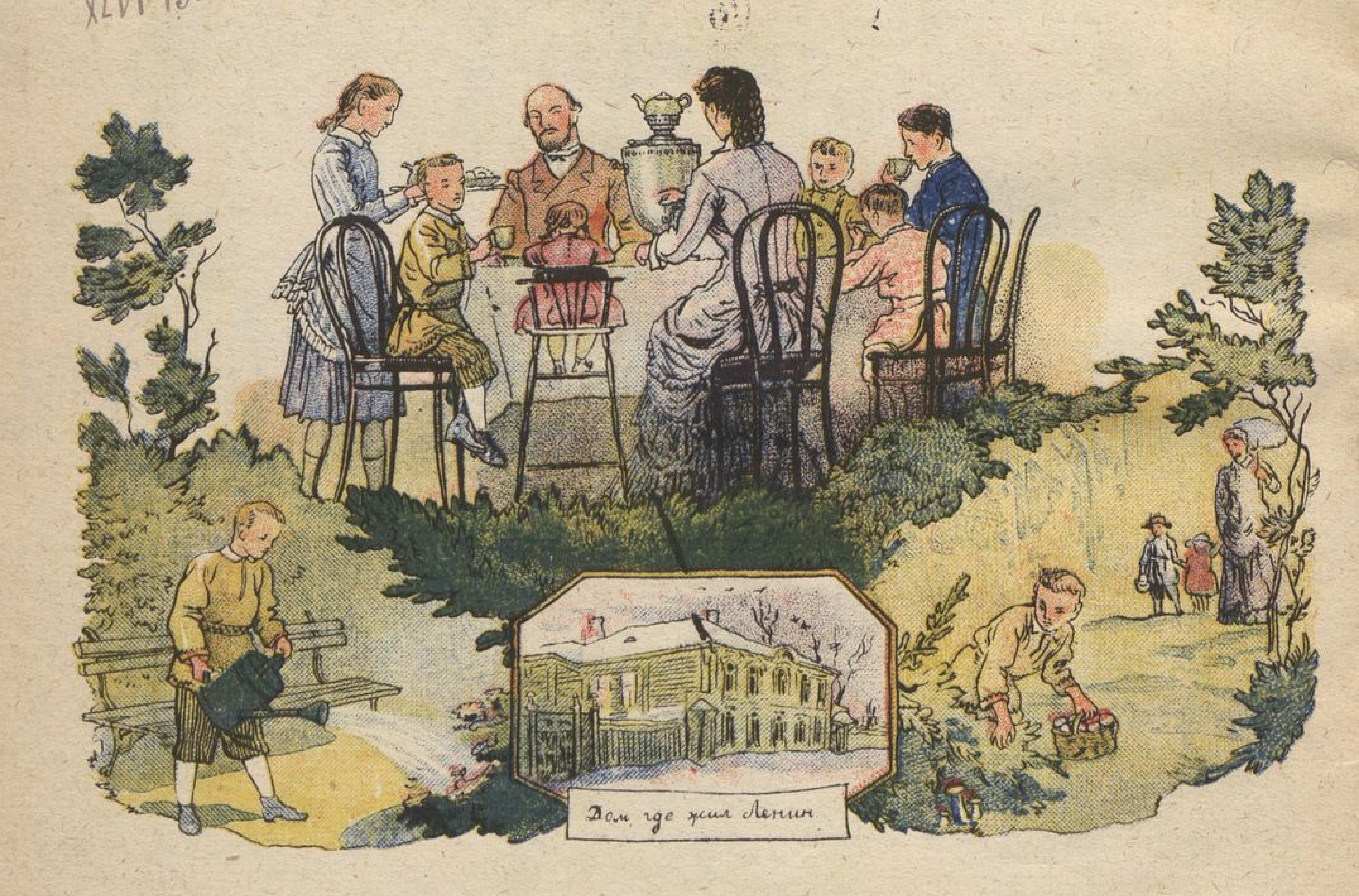
На ремне висит баклага.
Путь лежит через луга.
Глубока река Свияга,
В небе радуги дуга.

На ходу срывает ветку
Белокурый гимназист.
Он несёт подмышкой клетку,
В клетке—щёлканье и свист.
Соловьи,
щеглы,
синицы...

Он им дверцу приоткрыл.
И летят на волю птицы—
Чик-чирик! —и след простыл.

Бросив клетку в чистом поле,
Он им долго смотрит вслед...
Знает он,
Что лучше воли
Ничего
на свете
нет!

Вл. Лифшиц

Семьдесят пять лет назад, 23 апреля 1870 года, в городе Симбирске родился Володя Ульянов—будущий вождь нашего народа, Владимир Ильич Ленин. Теперь Симбирск называется город Ульяновск.

Картинки из детства Ленина нарисовал художник Б. Дехтерёв.

Брыкаска

А. КОНОНОВ | **Рис. А. ЕРМОЛАЕВА**

Рассказ из детства Ленина

После вечернего чая появилась Брыкаска. Её узнали по густой рыжей шерсти. А лица не было видно: это-то и пугало. Брыкаска, подскакивая, побежала вперёд. Все завизжали и кинулись кто куда.

А Брыкаска забилась под диван.

Не угадаешь: какая она сегодня, сердитая или добрая? Может быть, зарычит, а может быть, даст погладить себя по мягкой шёрстке. Бывало, что она и покататься на себе позволяла, из детской в столовую и обратно. У Брыкаски каждый раз новые выдумки.

На всякий случай с большой опаской начали подкрадываться к дивану.

Брыкаска молчала.

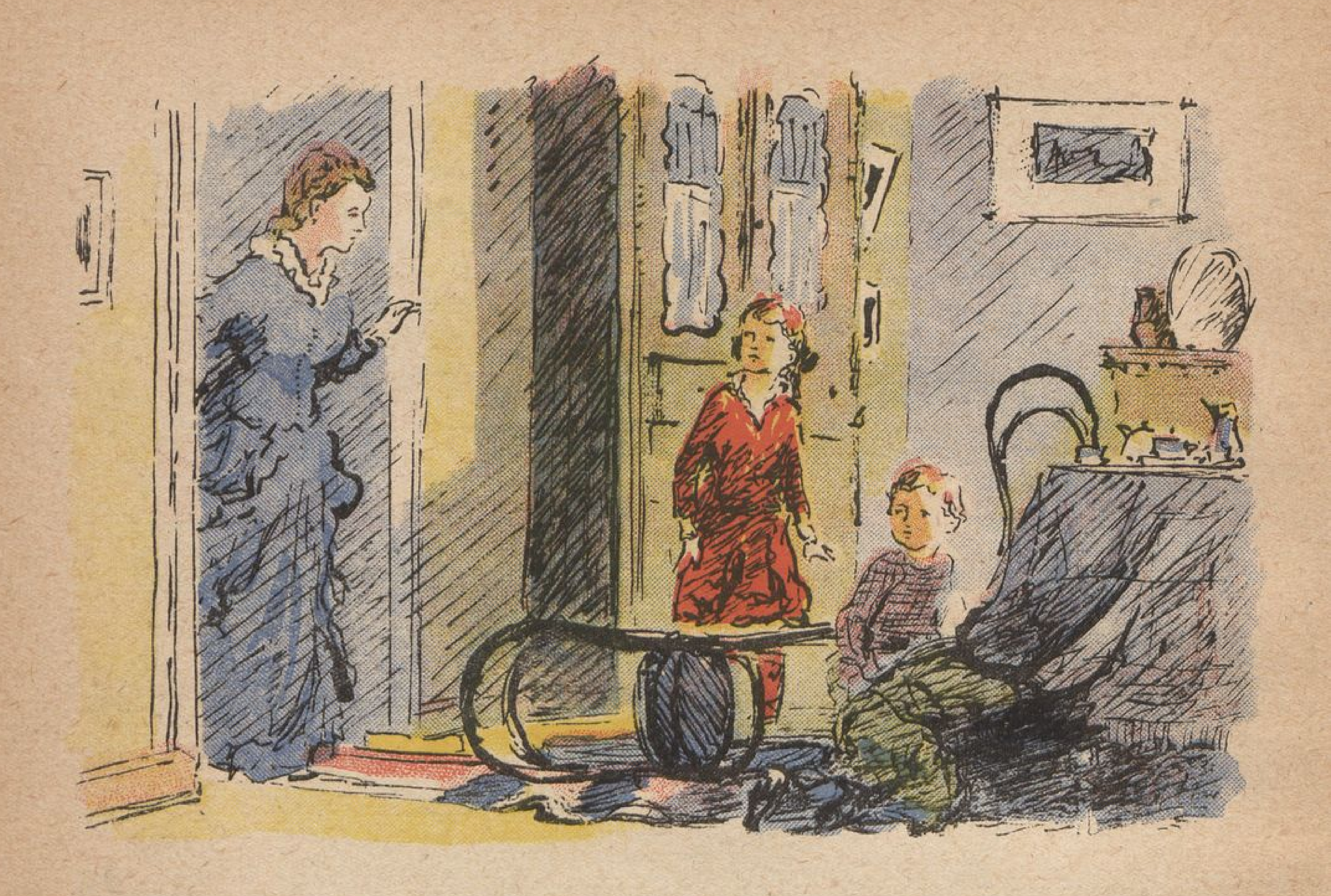
Митя храбро залез на диван и глянул за спинку вниз: темно, ничего не видать.

Вдруг Брыкаска, рыча, рванулась из-под дивана: сейчас схватит первого попавшегося! Тут уж каждый пусть надеется на свою ловкость и быстроту. Кроме того, знали, что Брыкаске в тяжёлой шубе да ещё на четвереньках бегать труднее, чем другим. Но об этом знала, видно, и сама Брыкаска. Она выбежала на середину комнаты и остановилась. И начала смешно подскакивать на одном месте. Значит, что-то новое придумала. Ни за кем гоняться не станет, а если кто-нибудь зазевается или ослабеет от смеха, того она и схватит.

Аня, самая старшая, стала хохотать, как только увидела Брыкаску. А тут она сразу разгадала Брыкаскину хитрость, и от этого ей стало ещё смешней. Так смешно, что и бегать как следует не придётся. И она заранее стала ласковой:

— Брыкаска миленькая! Брыкаска хорошая!

«Хорошая» Брыкаска со страшным рёвом бросилась к ней и схватила за туфли. Аня отчаянно завизжала.

В комнату заглянула мама и сказала негромко:

— Тише! Папа занимается.

Но мешать игре не стала и ушла.

Визжать больше было нельзя.

Может быть, поэтому Брыкаска и подобрела сразу. Все это почуяли и начали приставать к ней:

— Брыкасочка, покатай!

Брыкаска больше не рычала.

Из столовой принесли длинный шнур от оконных занавесей и осторожно просунули его Брыкаске подмышки.

Оля и Аня взялись за концы шнура, а Митя ухватился за длинную Брыкаскину шерсть.

И все вместе пустились в дорогу.

Аня продолжала уговаривать Брыкаску:

— Хоро-ошая Брыкасочка!

Та и на самом деле решила стать смирной. Особенно, когда подъезжали к папиному кабинету. Тут, правда, все утихли.

Зато по столовой проехали с грохотом: стулья попадали один за другим.

В детскую вернулись вскачь. Брыкаска опять начала прыгать. И вдруг схватила Митю. Тот не ожидал этого и закричал изо всех сил.

В дверях опять появилась мама и сказала таким голосом, что все поняли: Брыкаскины проделки на сегодня кончились.

— Ну, пора за уроки.

— А я?—заныл Митя.

Он в то время ещё не учился.

— А ты пойдёшь со мной. Я буду тесто месить.

Ну, тесто месить, конечно, дело не плохое. Кому задачи решать, а кому на кухне тесто вместе с мамой месить...

Тут Брыкаска поднялась, шуба упала на пол. И все увидели Володю.

*

МОЯ БАБУШКА

Л. КВИТКО

Рис. А. БУТРОВОЙ

Мы с моею бабушкой
Старые друзья.
До чего ж хорошая
Бабушка моя!
Сказок знает столько,
Что не перечесть,
И всегда в запасе
Новенькая есть.
А вот руки бабушкины—
Это просто клад.
Быть без дела бабушке
Руки не велят.
То полы старательно
Моют и скребут,
То в корыте пену
Мыльную взобьют,

Чтоб мою рубашку
Вымыть добела,
Чтоб моя рубашка
Чистая была.
То заставят бабушку
С тестом воевать,
Тесто непослушное
Шлёпать, подбивать.
То меня, шершавые,
Гладят по щекам,
Пирожками тёплыми
Кормят по утрам.
То большими ножницами
Куртку мне кроят,
То крючком да спицами
Чудеса творят.

Золотые, ловкие,
Как люблю я их!
Нет, других наверное
Не найти таких!

Перевод Н. Найдёновой

А. ПЛАТОНОВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ

Скучно Афоне. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался,—сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду,—ответил дед.—Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь?—спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать,—обещал дедушка Тит.—Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.

— А тебе ведь темно спать,—говорил Афоня.—На дворе солнце горит, там трава растёт, и ты спишь, ничего не видишь.

— Да я уж всё видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде у деда были хлебные крошки, и там жил ещё один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда—пусть живёт отдельно. Руки у дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала, как кора на дереве, и под кожей видны были толстые чёрные жилы,—эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Не спи, дедушка!—попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать подсадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели её; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и

снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

— Мамы нету, папы нету, дедушка спит,—говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже уморились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка!—просил Афоня.——Ты спишь?

— А? Нету, я не сплю,—ответил дедушка Тит с печки.

— Ты думаешь?—спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь там?

— А? Нету, я всё обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

— Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

— Всё, Афоня, я всё знаю.

— А что это, дедушка?

— А чего тебе, Афонюшка?

— А что это всё?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись дедушка, скажи мне про всё!

— А?—произнёс дедушка Тит.

— Дедушка Тит! Дедушка Тит!—звал Афоня.—Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей тёплой землёю.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка,—сказал Афоня. А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колёсики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слыш-

но стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

— А ты не спи!—сказал Афоня.—Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит—тебе недолго осталось: кто мне тогда скажет про всё?

— Обожди, дай мне квасу испить,—произнёс дед и слез с печи.

— Ты опомнился?—спросил Афоня.

— Опомнился,—ответил дед.—Пойдём сейчас белый свет пытать.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повёл Афоню полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю!—протяжно сказал Афоня.—А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А это цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь—песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень

не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит,—сказал Афоня.—Тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый? А цветок ты видишь жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся. Цветок этот—самый святой труженик, он из смерти работает жизнь.

— А трава и рожь тоже главное делают?—спросил Афоня.

— Одинаково,—сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снёс. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про всё!—сказал Афоня.—Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся: я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он улыбнулся своему доброму внуку и пошёл опять в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку, на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принёс его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— Спасибо тебе, Афонюшка,—сказал дед.—А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мёртвом песке живут?

— Не сказывали,—ответил Афоня.—Ты вон сколько живёшь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про всё. Ты не знаешь.

— Правда твоя,—согласился дед.

— Они молча живут, надо у них допытаться,—сказал Афоня.—Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, погладил головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

НЕБО

Мы о небе знали мало, —
В небе солнышко блистало,
В небе ветер колесил,
С неба дождик моросил.
В жаркий полдень голубое,
Звёздное ночами,
Часто небо над собою
Мы не замечали.
Но однажды там, над нами,
Взвыл мотор, метнулось пламя,
И тогда узнали мы —
Нет страшней небесной тьмы.
В злое небо ночью, в стужу
Зорко мы глядели,
А в тревогу глубже, глубже
Забивались в щели!
А ещё потом узнали:
С неба хищников прогнали
Удалые ястребки
И зенитчики-стрелки.
Было небо тёмным-тёмным,
Тяжко нависало,
А теперь оно огромным
И весёлым стало.
Мы от неба от ночного
Глаз теперь не сводим снова:
Проливается с небес
Светлый гром и звёздный блеск.
Льются друг за другом следом
Звёзды слева, справа...
Небо празднует победу,
Это — звёзды славы!

Т. Спендиарова

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

РЕДАКТОР — ВИТ. БИАНКИ

№ 3
АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬ — «МУРЗИЛКА»

Зима лютая. Она всех бы хотела заморозить насмерть — людей, зверей, птиц, деревья. И всех с голоду уморить. Но солнце — отец жизни — уже объявило ей войну и 21 марта перешло в решительное весеннее наступление.

В этот день оно ровно полсуток пробыло на небе, разя врага своими лучами-стрелами. Другие полсуток — ночью — зима морозила землю: чинила свои разрушенные укрепления. Потом солнце всё дольше и дольше стало задерживаться на небе, день стал быстро расти, ночь уменьшаться, тепло прибывать. С каждым днём теперь солнце выше поднимается в небе, лучи его прямей падают на землю и сильней разят снег.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА — ВЕСНА ПОЛЕВАЯ

Она началась, когда в полях показались первые проталины, освободилась первая земля. Обрадовались ей грачи, мигом примчались к нам. Потом прилетели скворцы и полевые жаворонки.

Грачи рады, что могут ковырять носами поле, вытаскивать из потеплевшей земли проснувшихся червей, личинки жуков. Скворцы ловят оживших насекомых, жаворонки собирают в поле зёрнышки растений.

Вслед за жаворонками прибыли самцы-зяблики — и тоже пока кормятся на земле. А из куликов первыми прилетели красивые хохлатые чибисы — заняли ещё мокрые пашни, с которых поднимается уже тёплый пар.

ВТОРАЯ ПОБЕДА — ВЕСНА РЕЧНАЯ

Ещё не кончилась весна полевая, не все ещё поля освободились от снега, а солнце повело уже новое наступление — на самые крепкие — ледяные — укрепления зимы.

В полях отступает, бежит с них ручьями снег, спасается от солнца в овраги, под крепкий лёд рек. Не дремлют реки, копят силы в неволе. Вот понатужились — и поднялись.

Будто пушка ухнула над рекой — треснул толстый лёд. Река вырвалась на волю, с громом и звоном понесла к морю льдины, кроша их и разламывая. Не доплыть им до далёкого моря: по дороге солнце расстреляет льдины золотыми горячими своими стрелами.

Ждут не дождутся освобождения рек, озёр, прудов водяные птицы: утки, гуси, лебеди, чайки, гагары, речные и болотные кулики. Ведь в освобождённой воде будет им чем поживиться: проснулись в ней рыбы, разные насекомые, рачки, улитки, личинки и другая водяная мелюзга.

А реки, освободившись от льда, поднимаются выше и выше. И будет скоро: выйдут из берегов своих, хлынут в луга, затопят долины, кустарник. Люди скажут: «Вот и паводок — весенний разлив. Напоит вода землю».

Это вторая великая победа солнца — вторая весна — весна речная.

ТРЕТЬЯ ПОБЕДА СОЛНЦА — ВЕСНА ЛЕСНАЯ

В полях уже ни следа не останется снега, реки начнут возвращаться в свои берега, а зима ещё всё не захочет сдаваться, всё ещё будет бросаться в контратаки — насылать свои морозы-утренники. Последний снег ещё долго будет прятаться от солнца в лесу, по тенистым склонам оврагов.

Закукует кукушка, лес закутается зеленоватым туманцем, прилетят ласточки, с последним крепким морозцем белыми звёздочками зацветёт черемуха. Все певчие птицы вернутся на родину, и бегом прибежит, прячась в зелёной, уже подросшей осоке, болотная курочка — погоныш. Лес оденется. И соловей запоёт в цветущей, благоуханной сирени.

Это будет третьей, решительной победой солнца над зимой. Это третья весна — весна лесная, последняя: за ней наступит лето.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Спешите строить скворечни и дупляники. В домиках для скворцов — внутри под летком — делайте треугольники, чтобы ни кошка не могла достать лапой, ни сорока не могла дотянуться до скворчиных яиц или птенчиков. На домике нарисуйте окна. Скворечни можно вешать хоть на дом, а дупляники лучше привязывать к деревьям в саду или в лесу, в укромных уголках.

МАСТЕРА БЕЗ ТОПОРА

Вы, конечно, знаете загадку: «Без рук, без топорёнка построена избёнка».

Вот и стало мне жалко птичек: как им, должно быть, трудно строить без рук и без топорёнка. Я и подумал: рук приделать я им не могу, а топорёнок для них достать могу.

Достал топорёнок. Вышел в сад. Вижу, там дятел трудится: носом по дереву тук да тук! Дупло себе делает. Я к нему:

— Дятел, дятел, на́ топорёнок!

— Спасибо, — говорит дятел. — Только мне и без топорёнка плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрусь, головой размахнусь, — носом как тюкну! Только щепки летят!

Побежал я на берег озера. Там синичка ремез хлопочет: ивовый пух собирает.

— Ремез, ремез, на́ топорёнок!

— А на что он мне? Видишь, я из пуха какое гнездышко сделал: лучше твоей рукавицы.

Я на берег моря. Там фламинго стоят, долгоногие.

— Фламинго, фламинго, на́ топорёнок!

— Мы мастера-глинобитчики. Гляди, какие себе гнёзда из ила сделали — что твои горшки.

Я — в лес. Там козодой-полуночник на ветке сидит.

— Козодой-полуночник, на́ топорёнок!

— Мне не сруб рубить, не избу строить. Ямочку найду, два яичка отложу и сижу на них. Вот и всё.

Тут увидел я гнездо орла. Большущая куча толстых сучьев на сосне. «Вот, — думаю, — кому топор-то нужен — сучья рубить».

— Орёл, орёл, на́ топорёнок!

— Вот спасибо! Кинь в кучу. Я ещё сучьев на него навалю — прочней гнездо будет.

ОТКУДА Я УЗНАЛ?

Если тебе меньше десяти лет, напиши на бумажке цифрой, который тебе год. Если самому тебе больше десяти, напиши год твоего младшего брата или сестры. Или любую цифру меньше десяти.

Написал? Тогда прибавь к этому числу число 29.

У того числа, которое получилось, зачеркни последнюю правую цифру.

То, что осталось, возьми и умножь на 10. Умеешь? К новому числу прибавь 4.

То, что теперь у тебя получилось, умножь на 3. Я думаю — это не хитро, но в крайнем случае тебе поможет мама. Теперь от этого последнего большого числа отними 2. Знаешь, сколько у тебя вышло? Конечно, знаешь — ведь ты сам всё писал. Но удивительно то, что и я это знаю: у тебя получилось ровно 100. Верно?

А ведь ты мне не говорил, какое число было у тебя первым!

Скорее беги и покажи этот фокус другим ребятам. Но имей в виду: складывать, вычитать, умножать при этом надо верно, иначе ничего у тебя не получится. Фокус не выйдет.

КТО ЧТО ДЕЛАЕТ?

Скажи: кто здесь нарисован?

Кто добывает себе пищу в воде быстрых речек?

Кто вьёт весной хорошенькие, круглые, как шар, гнёзда, чтобы выводить в них детёнышей?

Кто и весной и летом блеет в болотах?

Кто роет глубокие норы в земле?

Кто несёт крупные белые яйца, из которых вылупливаются детеныши?

Подумай хорошенько, раскинь умом и потом напиши нам, как называются эти не совсем обыкновенные существа, где они живут и чем примечательны.

Сосчитай и запиши

Сколько здесь нарисовано бабочек, мух, чайников, птиц, вёдер, рыб, зонтиков, сапог, грабель, леек, самоваров?

МОЖНО ЛИ ПОЙМАТЬ ПУЛЮ?

Можно ли поймать рукой выпущенную из винтовки пулю? Наверное, каждый из вас скажет: «Нет!»

В самом деле, пуля мчится с такой скоростью, что пробивает человека насквозь. Смешно даже и говорить, что её можно поймать на лету.

А сделать это всё-таки можно. Как?

Прежде чем ответить на этот вопрос, задам вам другой: можно ли сойти на ходу с бешено несущегося автомобиля? Конечно, нет. А как вы думаете: если два автомобиля рядом, близко-близко, мчатся по дороге с одинаковой скоростью, можно перейти с одного из них на другой? Понятное дело – да, и даже без всякого затруднения. Это так же просто, как если бы оба стояли на месте.

Теперь интересно: быстро ли летит к цели выпущенная из винтовки пуля? Очень быстро: пять километров она пролетит примерно за полминуты.

А самолёт? Очень быстрый самолёт-истребитель или пикировщик пять километров пролетит тоже в полминуты, иногда даже быстрее. Значит, самолёт может лететь рядом с пулей, не обгоняя и не отставая. И тогда лётчик увидит, что рядом с его машиной как будто висит в воздухе совершенно неподвижная пулька. Он свободно может протянуть руку и схватить её.

СЛУЧАЙ В ЗООПАРКЕ

На каникулах мы пошли в зоопарк. И при нас случилось таинственное происшествие. Сначала всё было спокойно. Посетители разглядывали зверей, звери занимались своими домашними делами. Воробьи клевали зёрна на дорожках. Стая перелётных птиц опустилась отдохнуть на деревьях зоопарка.

И вдруг одна женщина вскрикнула, схватилась за голову и упала в обморок. В другой аллее старичок-учёный тоже вскрикнул и сел прямо на землю, протирая глаза. И в это же время потеряли сознание жирафы под деревом и три кенгуру на полянке. Что же привело людей и зверей в такое волнение? Объясните нам.

Морской охотник

(См. начало повести в №№ 1, 2—3)

«ТУТ НЕТ НИКАКОГО СМЫСЛА»

Солнце зашло, но закат пылал, как огромный костёр. Всё было багрово кругом — и небо, и море, и берег, и горы. Стёкла круглых окошечек катера сияли, словно раскалённые угли. Лида заглянула Кате в лицо. Катины глаза, отражавшие закат, блестели торжеством.

— Сейчас я скажу Королькову, — прошептала она,— и он сразу всё поймёт. На войне всегда так. Секретное донесение. Для тебя это бессмысленный набор слов, а для него — точное указание.

Она замолчала, потому что на палубе катера появился лейтенант Корольков.

Это был очень ещё молодой человек. Он отпустил себе усы, — вероятно, для того, чтобы казаться старше,—но белокурые эти усики нисколько не старили его мальчишеского лица.

— Где эти девочки? — спросил он Макара Макарыча, бежавшего вслед за ним.

Но сразу же сам заметил Катю и Лиду и перескочил к ним на мол.

— Что мне просил передать Казаченко? — спросил он, кивнув им головой.

— «Когда свет горит, она в бухте»,— сказала Катя.

— Как? Как?

— «Когда свет горит, она в бухте».

— И больше ничего?

Катя удивилась.

— Больше ничего.

Она не понимала, что ему ещё надо.

— Какой свет горит? — спросил Корольков.— Кто такая «она»? В какой бухте? Вы понимаете что-нибудь, Макаров?

— Пока нет,—ответил Макар Макарыч.

— Тут, к сожалению, нет никакого смысла, товарищ лейтенант, — сказал Иванов.

Лида рассердилась. И зачем это Катя привела её сюда и поставила в такое глупое положение перед этими взрослыми, серьёзными людьми?

— Видишь, Катя, я тебе говорила,—сказала она.— Ведь он это в бреду.

— В бреду, конечно, в бреду! — воскликнул Макар Макарыч. — А я-то решил... Прошу прощения, товарищ лейтенант, что разбудил вас.

— Ничего, Макаров, мне всё равно пора вставать, — сказал Корольков.

Он повернулся к девочкам спиной, стал смотреть в море и, видимо, сразу забыл о них.

— Идём, Катя, идём!—сказала Лида и потащила Катю за руку прочь от катера.—Вот с тобой всегда так: тайны, тайны, а оказывается — чепуха.

Катя покорно шла за ней. Она была подавлена неудачей и молчала.

Она молчала всю дорогу, до самого дома, в котором жила Лида. И только уже в сумерках, когда они входили в калитку, воскликнула:

— Неужели тут нет никакого смысла? Не поверю!

КОГДА ОГОНЬ ГОРИТ...

Девочки ушли, и Корольков задумался.

Мягкие тёплые сумерки ползли на мол с берега, закат медленно отступал перед ними, но Корольков не замечал ни сумерек, ни заката.

Командиром катера он стал совсем неожиданно. Он был помощником командовавшего катером капитан-лейтенанта Снегирева: выполнял его приказания, следил за тем, чтобы эти приказания выполняли другие, но никаких важных решений ему самому принимать не приходилось. Всё важное решал капитан-лейтенант. И вдруг капитан-лейтенант исчез, не вернулся из десантной операции, и в самый разгар напряжённейших боевых действий командование катером пришлось принять на себя Королькову.

Королькову шёл двадцать второй год, и он

очень страдал от своей молодости. Почти все его подчинённые были старше, чем он, и служили на флоте дольше, чем он. Это были славные моряки. Они слушались его, относились к нему почтительно и, несомненно, старались ему помочь. Но он никак не мог отделаться от подозрения, что они, глядя на него, думают: «Эх, молодой человек, молодой человек, рано тебе охотиться за подводными лодками!»

И действительно, может быть, рано? Чем иначе объяснить эту странную неудачу, которая преследует катер с тех пор, как пропал капитан-лейтенант? Немецкая подводная лодка почти каждую ночь проскакивает мимо Песчаной косы, где, казалось бы, не заметить её просто невозможно. А вот он не заметил!

— Иванов!

— Слушаю, товарищ лейтенант!

Иванов почтительно вытянулся перед Корольковым. Он был на голову выше Королькова и лет на семь старше его.

— А вдруг мы всё-таки проспали её, Иванов? Ведь бывает же, со всяким может случиться... Всем нам так мало пришлось спать... Иной раз сидишь с открытыми глазами, думаешь, что не спишь, а на самом деле спишь... С вами так не было, Иванов?

— Нет, товарищ лейтенант, я не проспал её, — сказал Иванов твёрдо.

Корольков взглянул в сухое лицо Иванова, ещё похудевшее за эту неделю. Нет, Иванов, опытнейший акустик, проспать её не мог.

Кто же тогда виноват? Неужели всё дело в том, что катером командует он, Корольков, а не капитан-лейтенант? Как узнать, что сделал бы капитан-лейтенант на его месте?

— Макаров!

— Слушаю вас, товарищ лейтенант!

— Вольно, Макар Макарыч, вольно... Вы, кажется, давно служите с капитан-лейтенантом?

— Пять лет был он моим командиром.

— Пять лет! Это большой срок. За пять лет можно хорошо узнать человека.

— Знаю его, как себя самого. Взгляну на него и чувствую, сердит он или доволен. Он только кашлянет, а мне уж известно, он сейчас скажет, что палуба плохо надраена...

— Скажите, Макар Макарыч, как по-вашему: он сторожил бы подводную лодку у Песчаной косы?

Макар Макарыч взглянул Королькову в лицо таким понимающим взглядом, что Корольков смутился.

— Сторожил бы, — сказал Макар Макарыч.—И в том самом месте, где мы сторожим. Потому что это самое узкое место, и нигде ей иначе не пройти.

— А если бы она там не появлялась?

Макар Макарыч ответил не сразу.

— Он думал бы,—сказал он наконец.—Днём думал бы и ночью думал бы, в море думал бы и на берегу думал бы. Как вы.

— Как я?—удивился Корольков.—И придумал бы?

— Придумал бы. Как вы придумаете.

Быстро темнело. Закат превратился в далёкую узкую полоску, ночь обступила мол со всех сторон. Город исчез во мраке.

Иванов, повернувшись спиной к городу, смотрел через море, туда, где лежал захваченный немцами берег, теперь совсем невидимый.

— Что вы там увидели? — спросил его Корольков.

— Смотрите, товарищ лейтенант, опять этот огонёк, — сказал Иванов.

Действительно, там, за морем, сиял огонёк, еле приметный, не больше самой тусклой звёздочки. Вот уже третью или четвёртую ночь он теплился на одном и том же месте.

— И у нас и у немцев все огни потушены, затемнение, и вдруг — огонь...— сказал Корольков. — Любопытно, для чего немцы зажигают этот огонь? Освещают что-нибудь у себя на побережье?

— Нет, этот огонь слишком высоко в горах и с того побережья не виден, — сказал Макар Макарыч.—Я знаю ту сторону: там горы нависают над берегом. Этот огонь виден только с моря.

— «Когда огонь горит...»—проговорил вдруг Иванов.

И Корольков сразу вспомнил двух девочек, чёрненькую и беленькую.

— Что вам пришло в голову, Иванов? — спросил он.

— То же самое, что и вам, товарищ лейтенант.

— Мне?—удивился Корольков.—Да, я подумал было... Но ведь мы ничего про этот огонь не знаем.

— Ничего не знаем, — сказал Иванов.

— И всё так же непонятно, как было раньше.

— Так же непонятно, как раньше.

Корольков посмотрел на часы, поднеся их к самым глазам.

— Нам пора уходить отсюда,— сказал он. И прибавил другим голосом: — По местам!

Макар Макарыч первым перескочил с мола на катер. За ним перескочил Иванов.

Корольков помедлил ещё несколько мгновений на молу.

— «Когда огонь горит...» — повторил он тихонько.— Неужели в этом есть какой-нибудь смысл?

ПЕТИНА НАХОДКА

В этом городе войну с немцами вели все. Даже Петя, маленький Лидин братишка.

Конечно, об этом мало кому было известно. Пожалуй, никому, кроме Лиды и Марьи Васильевны. Да и они знали далеко не всё.

Как автоматчик никогда не расстаётся со своим автоматом, так и Петя никогда не расставался с рогаткой. По правде сказать, он так и называл свою рогатку—«автомат». Когда высоко над городом появлялся немецкий самолёт-разведчик и, оставляя за собой узенький белый след, начинал кружиться в голубом небе, Петя выскакивал с рогаткой за калитку. Зенитные батареи били по самолёту, в небе возникали и таяли белые облачка разрывов, и Петя бил по

самолёту из своей рогатки. И когда однажды немецкий самолёт вдруг сорвался и, охваченный пламенем, упал в море, Петя считал вполне вероятным, что это он сбил его.

Кроме рогатки, у него было много и другого военного имущества. Он подбирал всё, что имело отношение к войне: осколки снарядов, пустые патроны... Он очень дорожил своим военным складом и вёл постоянную борьбу с Марьей Васильевной, которая вечно стремилась вытрясти из его карманов весь этот тяжёлый хлам.

Сегодня ему досталась одна военная вещь необыкновенной ценности. Когда Марья Васильевна чистила на дворе брюки краснофлотца, лежавшего у них в доме, на дорожку выскочило что-то маленькое, круглое и покатилось прямо к Петиным ногам. Петя нагнулся и поднял.

Эта маленькая военная вещь была очень похожа на часы. Стёклышко, стрелка, цифры по краям. Но Петя сразу понял, что это не часы. Не слышно никакого тиканья. И стрелка странно мечется из стороны в сторону.

На оборотной стороне этой удивительной вещи была вырезана какая-то надпись. Одна большая буква оказалась знакомая. Она была похожа на ворота, и Петя знал, что это буква «П». Но с остальными буквами он ещё не был знаком.

Петя не расставался со своей находкой ни на минуту. Он таскал её в кармане и убегал за дом, в кусты, чтобы полюбоваться ею. Зная обычай Марьи Васильевны вытряхивать по ночам его карманы, он вечером, раздевшись, положил драгоценную находку в свой башмак.

Вечером у них была Катя. Она часто бывала у них по вечерам, иногда даже оставалась ночевать, потому что мама её приходила с работы очень поздно. Сейчас Лида и Катя сидели рядом за столом и ели варёную картошку. Окно было плотно закрыто ставнями. Город давно уже обходился без электрического света, и комнату озарял крохотный огонёк, дрожавший, как золотая капля, на конце фитилька.

Катя молчала. После разговора с Корольковым, после того, как она так осрамилась перед Лидой, приняв бессмысленные слова больного за таинственное донесение, она не в силах была разговаривать. Лида тоже молчала, искоса поглядывая на Катю. Она понимала, что происходит с Катей, и жалела её.

Прерывистый хрип, сопровождаемый каким-то клокотаньем и бульканьем, доносился из-за шкафа. Там, в той части комнаты, которая отделена была шкафом, лежал раненый краснофлотец Казаченко, и хрип этот был его дыханием. Глаза его были закрыты; он лежал неподвижно, он ничего не понимал и не слышал.

Там же, за шкафом, сидела на стуле Марья Васильевна. По совету доктора она каждые десять минут меняла у него на голове мокрое полотенце. Сидела она в темноте: Марья Васильевна нарочно не зажигала за шкафом света, чтобы раненого не беспокоили мухи. Но зато там настежь было открыто окошко, и прохладный ночной ветер врывался в комнату.

— До чего темно!—сказала Марья Васильевна, глянув в окошко.—До чего страшно! Днём, при свете, ещё можно кое-как терпеть, даже если стреляют, но в темноте чересчур страшно.

— Марья Васильевна, я давно хотела вас спросить: почему вы притворяетесь?—проговорила вдруг Катя.

— Что? — испуганно и удивлённо спросила за шкафом Марья Васильевна.

— Ну да, вы всё время притворяетесь, будто вы трусиха,— настойчиво повторила Катя.— Я сначала даже думала, что тут какая-то тайна.

— Я? Притворяюсь? — воскликнула Марья Васильевна.—Господи, да я всего боюсь! В этом ужасном городе, где враги стоят у порога, где снаряды летают по улицам...

Но Кате сегодня хотелось спорить, говорить наперекор.

— Притворяетесь, Марья Васильевна, притворяетесь! Уверяете всех, будто вы трусиха, когда на самом деле вы удивительно храбрая.

— Я? Храбрая?—вздохнула Марья Васильевна за шкафом.

— Вы удивительно храбрая женщина, и я сама это видела,—сказала Катя. — Когда снаряды рвались вокруг детского дома на Рыбацкой улице и всё горело кругом, вы много раз прошли сквозь огонь, и ходили туда и обратно до тех пор, пока всех детей не снесли в погреб.

— Как будто я одна ходила тогда в детский дом! — сказала Марья Васильевна. — А я так боялась, так боялась! Я после этого случая твёрдо решила взять Петю, Лиду и бежать из города, куда глаза глядят!

— Да ведь не убежали! — сказала Катя.

— Ты ведь знаешь, отчего я не убежала,— ответила Марья Васильевна. — Из-за этого раненого молодого человека. Не могу же я его бросить! А вот ему станет лучше немного, я сдам его в госпиталь и убегу.

— И опять не убежите. Опять вас что-нибудь задержит.

— Ну нет, теперь уж ни за что не останусь, — сказала Марья Васильевна. — С какой стати мне такую муку терпеть?

На этом разговор оборвался. Катя замолчала. Ей очень хотелось побыть одной.

— Марья Васильевна, поешьте картошки,— предложила она внезапно.—А я посижу с ним.

Марья Васильевна боялась оставлять раненого одного. Она усадила Катю на стул за шкафом, а сама пошла ужинать.

Голова раненого смутно темнела на подушке. При каждом вздохе он вздрагивал и дёргался всем телом. Большая рука свесилась с кровати. Катя взяла его за руку и положила её поверх одеяла. Рука была влажная и такая горячая, что Кате стало жутко.

Она глянула в окно. Погода за какой-нибудь час совсем переменилась. Порывистый ветер налетал с моря, и слышно было, как он шумит в листьях. Туча скрыла все звёзды, и на дворе было темно, как в подвале. Только далеко-далеко, за невидимым морем, мерцал крохотный огонёк, не больше булавочной головки.

«Несчастная я девочка», думала Катя.

Как мил был для неё в ту минуту далёкий

огонёк, горящий за морем! Она вспомнила, что сама ещё совсем недавно жила на том берегу, где горит этот огонёк. Быть может, он горит над её родным домом. Как раз над её домом, высоко в горах, была её пещера, про которую никто не знал, кроме неё. Там она играла в крейсер «Победитель», там до сих пор её куклы, её карты, её компас. А вдруг огонёк горит в пещере? Неужели немцы нашли её?

При мысли, что в её пещере могут быть немцы, ей стало ещё грустнее. Нет, нет! Подъём в пещеру так крут, вход так густо зарос ежевикой... Вероятно, этот огонь горит где-нибудь по соседству с пещерой...

«Когда огонь горит...» — внезапно вспомнила она, и сердце её забилось. — А вдруг это тот огонь?.. Нет, не может быть!.. А почему не может быть?..»

— Я так и чувствовала, что он даже в башмак что-нибудь спрячет, — сказала вдруг Марья Васильевна. — Смотри, что я нашла у него в башмаке. Стрелка так и прыгает, так и скачет...

— Это компас! — раздался удивленный голос Лиды. — Наверное, его уронил наш раненый моряк.

— Конечно, это его компас, — согласилась Марья Васильевна. — Гляди, на обратной стороне нацарапано: «Победитель»... Это, наверно, название корабля...

— «Победитель»? — воскликнула Катя.

Она подпрыгнула на стуле.

— Ты знаешь этот корабль? — спросила Марья Васильевна.

— Знаю этот корабль, — сказала Катя. — И знаю этот компас.

— Ну вот, глупости какие! — проговорила Марья Васильевна. — Откуда ты можешь знать этот компас?

— И знаю, что на компасе под надписью «Победитель» нацарапаны ещё буквы: Е и С.

— Правильно! — удивилась Марья Васильевна и даже поглядела, не может ли Катя как-нибудь видеть компас из-за шкафа. — Я думала, что это имя и фамилия командира корабля.

— Да, — сказала Катя. — Командира корабля «Победитель» зовут Екатерина Смирнова.

— Как? — спросила Марья Васильевна.

— Екатерина Смирнова, так же, как меня. Лида, милая, посиди здесь: у меня больше нет ни минутки, мне надо итти!

Катя вышла из-за шкафа. Лицо её было бледно, глаза блестели. Заметив, что Марья Васильевна что-то хочет у неё спросить, она кинулась к ней и вдруг обняла её, на мгновенье уткнувшись лицом в её кофту.

— Только не спрашивайте меня ни о чем, — сказала она, — потому что я за целый год ничего не могла бы вам объяснить, а я так тороплюсь. Огонь горит в моей пещере! И Казаченко достал этот компас в моей пещере! И папа девочки с мишкой в моей пещере! И я должна сейчас же всё рассказать Королькову!..

Она быстро поцеловала Марью Васильевну в щёку и выскочила за дверь.

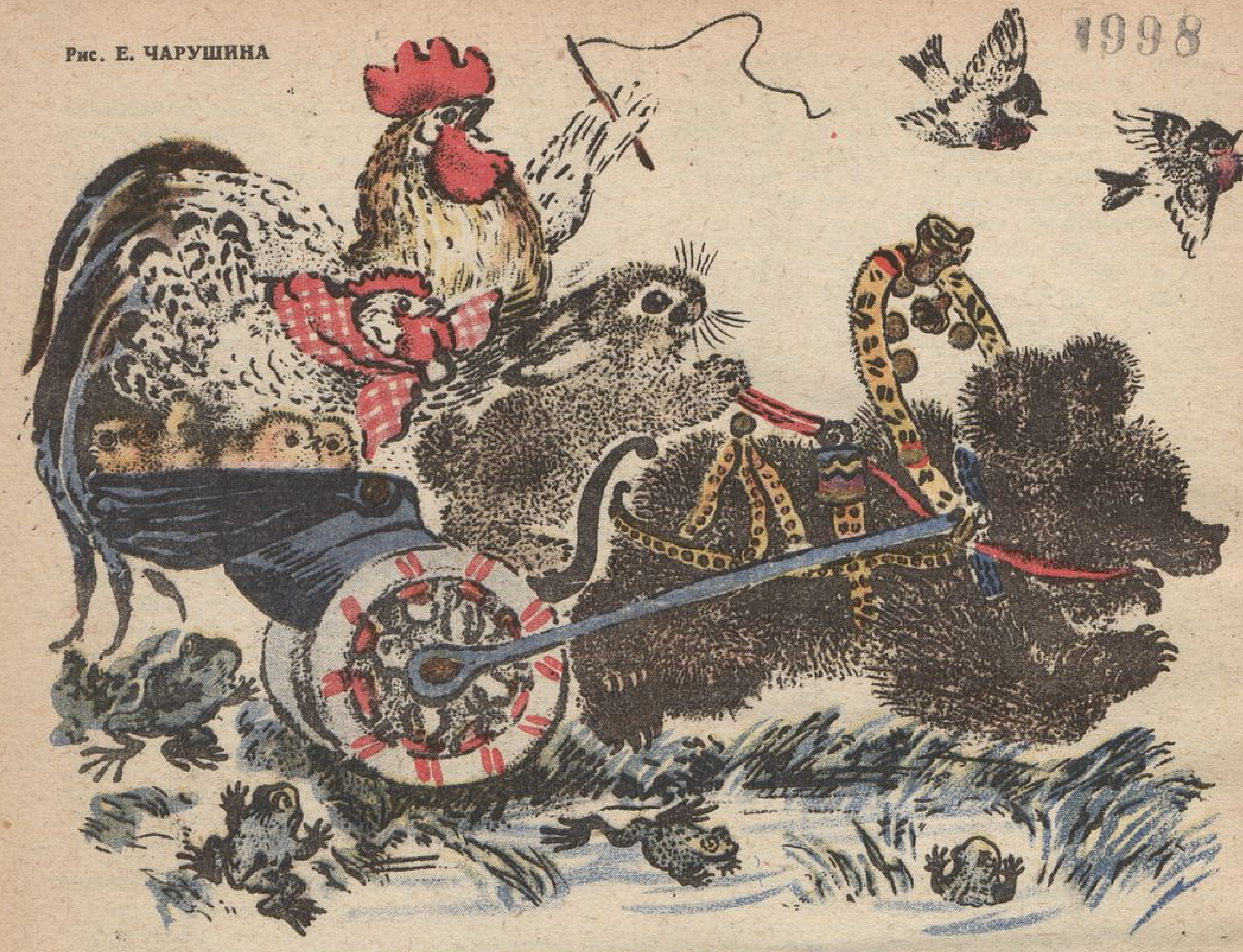
Марья Васильевна долго растерянно стояла посреди комнаты, держа компас в руке.

(Продолжение следует)

Рис. Е. ЧАРУШИНА

Рис. Е. ЧАРУШИНА

Не видал никто на свете, чтоб медведь катал в карете
Развесёлых седоков — зайцев, кур и петухов!
Я хоть тоже не видал, взял да так нарисовал.

ВЕСНОЙ

Вдоль улицы журчат
И булькают ручьи.
Кораблики ребят
И палочки ничьи
Несутся, остановятся
И снова поплывут...
На повороте улицы
В решётку попадут!
Спасу скорей кораблики
От этакой беды,

Не зачерпну калошами
Ни капельки воды!
Кораблик мой хороший,
Плыви, плыви опять!
Ручей тебя уносит,
А я бегу спасать.
Глаза от солнца жмурятся,
Всё мокро на дворе,
А солнце в каждой лужице
Моргает детворе.

И. Полянская

Рисунок на обложке В. Конашевича

Год издания двадцать второй | Цена 1 руб. | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 0-48-23. Подписано к печати 3/IV 1945 г. А15956. Объем 2,5 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 792.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.